

А. В. Ломагина

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОДЫ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-БИОГРАФИЮ В ДАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1980–1990-х ГОДОВ

С 1980 года в литературе многих стран наблюдается постепенное возрождение интереса к прошедшим эпохам, который выражается в появлении все большего количества воспоминаний, исторических романов. Возрастает интерес к биографическим романам в целом и историческим биографиям в частности. Романы, обращающиеся к событиям прошлого, в 1980–1990-х годах сосуществуют с литературой, интересующейся современностью, но их количество неуклонно растет. Этот интерес достигает своего апогея после 2000 года.

В Дании эта тенденция, несмотря на то что она в целом развивается в русле общеевропейского процесса, имеет свои особенности.

Первоначальный интерес к истории, возникший после значительного перерыва на рубеже 70–80-х годов, к началу XXI века перерос в повсеместную моду на романы, развивающие историческую тему, и позволил эксплуатировать события и персоналии прошлого в целях развлечения широкой читательской аудитории. Таким образом, появляются исторические детективы, любовные романы, перенесенные в историческую эпоху. Исторические события и эпохи в них иногда становятся декорациями, на фоне которых разворачивается действие. Автор создает лишь видимость «историчности», отдавая дань моде, реконструкция исторического фона грешит неточностями и ошибками.

Однако наряду со шквалом литературы, служащей развлечению широкой публики, вырос и поток профессиональных исторических исследований и романов, базирующихся на серьезном изучении источников. Они представляют собой обстоятельную попытку реконструировать исторические события и судьбы.

Однако наиболее интересным представляется изучение начала этого процесса в Дании, который характеризуется поиском опоры и объяснения процессов настоящего через призму прошлого. Социологический взгляд на причину возникновения и развития этих тенденций можно найти в описании общества философами «позднего модерна» Энтони Гидденсом и «общества риска» Ульрихом Беком. Характерно, что их идеи были встречены с пониманием и имели большое значение для всех Скандинавских стран в 1980–1990-е годы.

Э. Гидденс подвел итог развитию личности в обществе, которое он определил как «общество позднего модерна» в 1991 году. Он обращает внимание на переход от стабильного, гомогенного, традиционного к постоянно меняющемуся миру, не имеющему четких очертаний, который требует от личности умения постоянно приспосабливаться к меняющимся ценностным ориентирам. Идентичность не является особой чертой или совокупностью черт, которые присущи личности. «Я» создается на основании саморефлексии личности по поводу своей биографии. Движущими силами создания собственной идентичности становятся постоянное сочинение своей истории и способность осуществлять постоянную рефлексию о своем месте в окружающем мире, который характеризуется неисчерпаемым количеством возможностей¹. На фоне этого процесса обращение к прошлому в литературе кажется вполне закономерным явлением.

1960-е годы характеризуются во всей Скандинавии студенческими волнениями, пацифистским движением, нефтяным и экономическим кризисом, движением за свободу сексуальных отношений и разрешение легких наркотиков, борьбой за права женщин. Таким образом, под сомнение ставятся все устоявшиеся традиции прошлого. В литературе приходит мода на эстетический эксперимент в лирике и прозе. Модернизм разрушает традиции в попытке создать нечто принципиально новое, современное. Важным политическим событием этого десятилетия, всколыхнувшим всю Данию, явился референдум о вхождении в ЕС в 1973 году, в результате которого 63 % проголосовали за присоединение к ЕС.

Процессы развития общества в 1970-х годах рассматриваются многими писателями как уничтожающие традиции и обезличивающие людей. Индивидуализация и обособление датских семей вылилась в переселение в коттеджи. Вместо диких лесов появились рекреационные зоны. «Есть ли такой народ, датчане?» — пишет свое эссе Таге Скоу Хансен на рубеже 80-х годов². Серен Краруп в своем эссе «Молчаливое большинство» отмечает: «Удивительно, что Дания уцелела в 60–70 годах. Все, за что сражались

отцы и в чем видели радость поколения и поколения датчан, оказалось выброшено за борт молодым поколением с марксистской идеологией»³.

Таким образом, само развитие общества подготовило почву для возрождения интереса к прошедшим поколениям, появления новой потребности рефлексии и поисков себя.

Как реакцию на обесценивание прошлого и утрату корней можно воспринять работу историков и преподавателей Скандинавии по выработке новой теории преподавания истории, которая была сформулирована в 1978 году. В Дании этот процесс возглавил Свен Сёдринг Йенсен. Новые дидактические рекомендации по обучению истории в датской школе были выработаны в 1981 году и ставили во главу угла понятие исторического сознания, заимствованного у немецкого историка и педагога Карла Эрнста Яйсмана.

В новой стратегии преподавания истории в школе была сформулирована задача: школа должна содействовать тому, чтобы у народа сформировалось историческое сознание, то есть взаимосвязь с прошлым, понимание настоящего и конструирование будущего. Эти идеи и критика профессиональной исторической науки широко обсуждались в прессе в Скандинавских странах и оказали значительное влияние на понимание важности истории. История становится инструментом истолкования настоящего и предвидения будущего. Эта тенденция в среде профессиональных преподавателей истории в 80-х годах не могла не повлиять на рост количества исторических и биографических романов.

При сравнении эволюции профессионального исторического исследования и биографического романа становятся очевидны два процесса. С одной стороны, историки 1980–1990-х годов, выйдя за рамки круга профессиональных читателей, увеличивая свою аудиторию, придают все большую значимость занимательности повествования и языковым средствам. Примерами таких исследований могут служить исторические биографии персоналий XIX века, сыгравшие значительную роль в истории Дании: Торбен Крог «Вигго Хоруп» (1984), Йорген Кнудсен «Георг Брандес. Символ и личность» (1994).

С другой стороны художественная рефлексия по поводу прошлого тоже требует большей достоверности. Писатели все больше используют документы, личные дневники и письма для создания фактической канвы, реконструкции мыслей и диалогов, документальная литература приводит письма и документы в тексте романа, создавая иллюзию научной достоверности произведения, и поднимает вопрос о том, что принадлежит авторской фантазии, а что происходило на самом деле.

Волонтаризм автора сказывается в первую очередь на том, какие сюжеты, исторические события и персоналии оказываются в центре повествования, насколько автор следует традиции трактовки этих событий, заданных исторической наукой и авторами-предшественниками.

Если посмотреть на то, кого из исторических личностей в 80-х годах авторы выбирают в качестве центральной фигуры для романа-биографии, становится очевиден интерес к так называемому «золотому веку» датской литературы — первой половине XIX века, исторической эпохе до поражений и потерь Данией территорий.

Среди них можно упомянуть роман А.М. Айрнес «Как ласточка» (1988), описывающий судьбу матери Людвиг Хольберга, одной из первых писательниц Дании Томасины Гюллембург.

Э. Клевдаль Райх пишет один из первых исторических романов-биографий «новой волны» — «Фредерик» (1972) о Николае Грунтверге — великом церковном реформаторе, поэте и народном просветителе.

В.П. Йенсен посвящает свой роман «Он смотрел в глаза смерти» (1990) жизни поэта-романтика Карстена Хауха.

Х. Стангеруп делает центральной фигурой романа «Путь в Лагоа Санта» (1981) натуралиста и зоолога Петера Вильяма Лунда, а следующий роман «Трудно умирать в Дьеппе» (1985) посвящает критику, поэту и антагонисту С. Киркегора Педеру Людвигу Меллеру.

Б. Вамберг пишет роман «Йоханна Луиса Хайберг» (1987) об одной из самых известных женщин «золотого века», музе многих поэтов и писателей начала XIX века.

Большинство этих романов обращается к судьбе известных исторических персонажей, интересных своей трагической судьбой или сыгравших значительную роль в истории Европы или Дании. Романы предлагают, как правило, новое истолкование событий и реконструкцию характеров, причем зачастую вступают в полемику с предыдущими трактовками.

В них всегда есть связь с культурными или политическими дебатами, в которых они, таким образом, принимают участие и задают современной проблеме историческую перспективу. В то же время уровень обобщения и рефлексии поднимает вопрос о будущем, которое формируется настоящим.

Так, Э.К. Райх пишет в 1995 году роман о знаменитом исследователе Гренландии Кнуде Расмуссене (1879–1933). Роман появляется на фоне продолжающихся дебатов о судьбе Гренландии, которая выходит из ЕС и где усиливаются сепаратистские настроения. Роман имеет подзаголовок

«О Кнуде Расмуссене и его двух народах». В протагонисте романа смешались две крови, датская и гренландская, две культуры и две идентичности. В романе, написанном в стиле документальной прозы, с включением выдержек из путевых дневников и фотографий, он предстает северным Аладдином, обаятельным чужаком, который всегда получает то, что ему нужно. Его биография становится для автора поводом вспомнить историю взаимоотношений Дании и Гренландии. Автор пишет: «В этой истории судьба Кнуда — одна из самых светлых глав»⁴.

Писательницы, обращаясь к историческим личностям, развивают гендерный подход и дают женский взгляд на судьбы и характеры, который противопоставлен «мужской» трактовке. В качестве примера романа-биографии, который вносит вклад в обсуждение вопросов о месте и роли женщины в обществе и противопоставлении карьеры семейным ценностям, можно назвать роман Д. Вилломсен «Мария. Жизнь мадам Тюссо» (1983). Главное действующее лицо покидает мужа и ребенка, отправляясь в Лондон, теряет семью, посвящая себя творчеству. А.М. Айрнес находит в судьбах женщин прошлой эпохи мотивы, созвучные современности и собственной судьбе. Ее роман о Томасине Гюллембург является рефлексией по поводу собственной судьбы. У автора с протагонистом романа много общего: творчество, замужество, бунтарство.

1980–1990-е годы в Дании — время жарких политических споров и дебатов, в которые были вовлечены представители культуры. В это время к жанру биографического романа обращаются авторы, которые принадлежат к абсолютно разным, зачастую противоположным, политическим группам. Они по-разному трактуют исторические события, а судьба исторических персоналий используется в качестве аргумента в культурно-политическом споре.

Э. Клевдаль Райх и Х. Стангеруп в своих оценках исторических событий и позиции в отношении культурной политики Дании, членства в ЕС противоположны. Для трилогии биографических романов «Путь в Лагоа Санта» (1981), «Трудно умирать в Дьеппе» (1985) и «Брат Якоб» (1991) Х. Стангеруп выбирает исторические персонажи, которые были вынуждены покинуть Данию и сыграли значительную роль в истории, литературе, науке и религиозной жизни в Европе и Южной Америке. В первых двух романах речь идет об ученом-палеонтологе П.В. Лунде (1801–1880) и литературном критике П. Меллере (1814–1865). Последний роман трилогии посвящен судьбе сына короля Дании Ханса, францисканского монаха брата Якоба Датского (ок. 1484–1566). Автор рефлексировал на темы судеб Дании

и Европы и приходит к выводу, что датская культура многое потеряла из-за своей обособленности и отрыва от европейских культурных процессов.

Э. Клевдаль Райх, рассматривая историю убийства короля Эрика Глиппинга в своем романе «Ночь на святую Цецилию. Кто убил короля?» (1979), размышляет по поводу исторических событий XIII века, вскрывает заговор папского престола против Дании и ищет в исторических событиях аргументы против вступления Дании в ЕС.

Накал полемики в битве за интерпретацию исторических событий выдает и язвительная цитата из статьи Х. Стангерупа 1971 года: «Эббе Райх на все смотрит с позиции вселенского заговора из Рима, который якобы имеет цель расстроить последний съезд датской партии Венстре в Альбертслунде»⁵.

Х. Стангеруп по-своему трактует требование достоверности к исторической реконструкции. Для него требование достоверности — основной выпад против экспериментальной по форме прозы и поэзии 1960-х годов. Он считает себя новым реалистом и для достижения достоверности, в том числе психологической, пишет свои персонажи с себя, подобно своему кумиру Киркегору. Для перевоплощения он едет в Бразилию, Францию, Мексику по следам своих персонажей, читает современные им книги, живет их жизнью. Описывая болезнь Петера Лунда из романа «Путь в Лагоа Санта», он вспоминает свое состояние во время болезни в Бразилии.

Отправляясь как протагонист романа «Трудно умирать в Дьеппе» Педер Меллер в Париж в качестве журналиста датского издания, он пишет, что едет за впечатлениями: «Весь материал, который я собрал дома, должен обрести звук и запах»⁶. Он посещает больницу в Дьеппе, где умер Меллер, читает о том, как протекает сифилис, как питались в XIX веке. Имея за плечами опыт создания фильмов, он пытается тщательно воссоздать атмосферу Парижа первой половины XIX века, его запахи, жизнь кафе и кабаре.

Педер Меллер, как и протагонисты двух других романов-биографий трилогии, является изгоем, исторгнутым из датского общества, сыгравшим, тем не менее, большую роль как культурный посредник между Европой (Германией и Францией) и Данией.

Образ эпохи и личности возникает в романе на перекрестке разных парадигм.

Биографическая парадигма Педера Меллера создается путем передачи исторических фактов об учебе, знакомстве и знаменитом конфликте с Сереном Киркегором, выплеснувшимся на страницы журнала «Корсар», вынужденной эмиграции в Германию и Францию, журналистской и литературно-критической деятельности в Европе, многочисленных романах и гибели

в приюте для умалишенных в Дьеппе от сифилиса. В качестве источников биографической информации автор выбирает письма Меллера, его критические статьи о литературе, войне 1848 года Дании с Германией, работы о положении женщин, свидетельства и мемуары о нем современников. Так, факты о дружбе и соперничестве между Меллером и Гольдшмидтом почерпнуты автором из мемуаров Гольдшмидта, вышедших в 70-е годы XIX века. Оттуда же позаимствованы и многие детали, такие как пальто Гольдшмидта: «синее зимнее пальто от Фарнера»⁷.

Для описания начала вражды между Меллером и Киркегором, развернувшейся на страницах датской печати, Стангеруп штудировал мемуары Гольдшмидта, статью Меллера «Визит в Сорё», ответные выпады Киркегора, похоронившие навсегда надежду Меллера на академическую карьеру в Университете Копенгагена. На фоне этого приема, создающего иллюзию достоверности повествования, автор погружает читателя в мир эротических приключений героя и его художественные видения.

Историческая парадигма романа дополнена философской составляющей образа Педера Меллера, которая усложняет и дополняет биографическую линию. Она имеет начало в представлении, возникшем в начале XX века с легкой руки Фритьофа Брандеса, что Педер Меллер — прототип Йоханнеса Соблазнителя из философского сочинения С. Киркегора «Или, или», его «Дневника обольстителя». По свидетельству самого Стангерупа, для осуществления замысла противопоставления этической стадии жизненного пути и эстетической, ему пришлось заострить черты «эстетика» в киркегоровском понимании в образе Меллера⁸. Рассмотренный в этой перспективе протагонист романа — поэт и соблазнитель.

Поэтическая сущность Меллера — эстетика — как продолжение его эротической составляющей иллюстрируется автором в его отношении с другим прозаиком середины XIX века М.А. Гольдшмидтом, редактором журнала «Корсар», на страницах которого в 1846 году печатаются карикатуры и сатирические статьи в адрес С. Киркегора. Стангеруп эксплуатирует факт их литературного сотрудничества и исторической роли Меллера в появлении на свет первого романа Гольдшмидта «Еврей». Факты об отношениях двух литераторов позаимствованы Стангерупом из воспоминаний Гольдшмидта.

Политическая парадигма романа возникает также в диалогах между Меллером и Гольдшмидтом как противопоставление «золотого века» датской и европейской литературы, романтизма с высокими образцами поэзии (в романе цитируется А. Эленшлегер, Д. Байрон) и этического будущего —

реализма и демократии, за которые выступает Гольдшмидт. Меллер отвечает ему, и в его голосе слышны отчетливые нотки позиции самого Стангерупа, который не раз критиковал датское общество со страниц газет: «Давайте я расскажу Вам о Вашем будущем. Что ж, Вы получите свою демократию. Все будут пожимать друг другу руки, но без тепла и дружбы в сердце, эти пожатия будут просто говорить: вот теперь я могу на тебя рассчитывать, на твой голос на следующих выборах в народное представительство. Все будут представлять друг друга. Платить налоги. Продолжительность жизни увеличится, но это будет жизнь без жизни... Никаких поступков, никаких всплесков, главное: за что это мы будем голосовать сегодня? Газеты, газеты, давайте почитаем, что мы пишем друг про друга, изучим наше смешное мелкое вранье, лестно поставим имена друг друга в название статей, каждому гражданину — свою маленькую газетную колонку для новостей о ведении домашнего хозяйства. И никаких поэтов, по всей стране сотни королевских чиновников от поэзии, которые подсматривают друг за другом и раз в десять лет раздражаются сборником чистой ерунды, например одой картошке»⁹.

В результате переплетения всех линий в единую картину Х. Стангеруп предлагает своему читателю размышление о судьбах культуры Европы, литературную и политическую панораму одной из самых ярких эпох в истории Дании, подоплеку и исход философского спора, который оказался поворотным в судьбе С. Киркегора и П.Л. Меллера и трактовку развития, вершины и гибели одного из самых талантливых представителей «золотого века» датской литературы, исторгнутого и непонятого датским обществом, но сыгравшего значительную роль в его культурном становлении.

Таким образом, можно отметить некоторые особенности исторических романов-биографий, появившихся в Дании в 1980–1990 годах.

Интерес к истории возник заново на рубеже 80-х, выразившись в развитии исторических исследований, преподавании истории и литературе. Развитие общества в Европе в целом и Дании как части северной Европы подтолкнуло к возвращению этого интереса. Активность и политизированность датского общества вызвали интерес к полемике по целому кругу судьбоносных политических вопросов. В полемику включились ведущие интеллектуалы, представители творческих профессий. Исторические романы-биографии исследуемого периода отличают в первую очередь дидактичность и полемичность. Такие авторы, как Э. Клевдаль Райх и Х. Стангеруп, пытаются повлиять на мнение читателей, склонить их на свою сторону и изменить современную им ситуацию.

Литература, таким образом, становится полем полемики, где исторические события и персоналии используются как аргумент в споре. В наибольшей степени дидактичность свойственна Э. Клевдалю Райху, который является преподавателем истории по образованию и политиком с активной жизненной позицией. Другой тип полемики предлагают авторы-женщины, которых интересуют судьбы представительниц их пола и то общее, что объединяет женщин в предыдущие эпохи и в современности.

Подводя итог, хочется еще раз отметить, какими бы разными ни были авторы, которые в 1980-х годах начинают снова обращаться к жанру биографического романа, у них есть общий интерес к прошлому, они пытаются воссоздать достоверный психологический портрет и исторический портрет эпохи, дать почувствовать читателю ее аромат, используют прошедшее для объяснения судеб настоящего времени и допускают множественность трактовок, рефлексируя по поводу прошлого в его взаимосвязи с настоящим и будущим. Исторический роман-биография, таким образом, говорит не столько о прошлом, сколько о взаимосвязи прошлого с настоящим, преломленным через сознание автора, и его ожиданиях от будущего.

Э. Клевдаль Райх подтверждает это, поясняя свой интерес к историческому и биографическому жанру: «В наше время, когда есть угроза исчезновения самого исторического сознания, моя цель — дать датчанам ту историю, в которой они своей биографией напишут новую страницу»¹⁰.

* * *

¹ Giddens A. *Modernity and Self-identity. Self and Society in the late Modern Age*. Stanford, 1991.

² Skov Hansen T. *Den forbandede utopi: Kritisk prosa fra 70-erne til 90-erne*. København, 1995. S. 74.

³ Madsen R.Ø. *Tiderne skifter Fra den danske kulturdebat 1900–2005*. København, 2006. S. 309.

⁴ Kløvedal Reich E. *Den fremmede fortryller*. København, 1995. S. 15.

⁵ Politikken. 17.03.1991.

⁶ Stangerup H. *Tværtimod! Levned og meninger 1956–1998*. København, 2003. S. 108.

⁷ Stangerup H. *Det er svært at dø i Dieppe*. København, 1985. S. 5.

⁸ Stangerup H. *Tværtimod!..*

⁹ Stangerup H. *Det er svært... S. 57–58*.

¹⁰ Christensen Johannes H. *Aberne i træernes toppe — samtaler med Ebbe Kløvedal Reich*. København, 2005. S. 199.